

вечера выдаю деньги, с тем чтоб он и сестрица завтра чем свет отправлялись; поручаю это дельце подлецу Липутину, чтобы сам посадил и отправил. Но мерзавцу Липутину понадобилось сошкольничать с публикой <...>» [Там же. С. 403]

Анализ речи персонажей-арестантов и «персонажей-хищников», к которым можно, помимо Петра Верховенского, отнести также Валковского, Лужина и некоторых других, показывает, что в обоих случаях количество употребляемых ими бранных слов, по сравнению с первой группой персонажей (Фома Фомич, Голядкин, Марья Александровна и т. п.), намного меньше. Если в речи Верховенского бранная лексика и используется, то чаще всего это происходит осознанно, как часть заранее подготовленной, выверенной реплики. В речи Лужина и Валковского бранные слова и вообще отсутствуют.

Логично было бы предположить, что наибольшее количество бранных слов будет в речи арестантов, каторжников, однако у Достоевского все ровно наоборот. Арестанты — «диалектики-ругатели» — не злоупотребляют бранной лексикой, но используют их дозированно и строго мотивировано: «Ругались они утонченно, художественно. Ругательство возведено было у них в науку; старались взять не столько обидным словом, сколько обидным смыслом, духом, идеей — а это утонченнее, ядовитее» [Т. 4. С. 13], тогда как их надсмотрщики, напротив, чаще перестают себя контролировать. О них соответствующим образом отзывается и сам Достоевский в письме М.М. Достоевскому о плац-майоре Кривцове: «Каналья, каких мало, великий варвар, сутяга, пьяница, все, что только можно представить отвратительного» [Т. 28. Кн. 1. С. 170].

4. Речь героев, находящихся в возбужденном, неконтролируемом эмоциональном состоянии:

«[Голядкин] Ах ты голова, голова! ведь и утерпеть-то не можешь ты, чтоб не провраться, как мальчишка какой-нибудь, канцелярист какой-нибудь, как бесчиновная дрянь какая-нибудь, тряпка, ветошка гнилая какая-нибудь, сплетник ты этакой, баба ты этакая!.. Святые вы мои! И стишки, шельмец, написал и в любви ко мне изъяснился! Как бы этак, того... Как бы ему, шельмецу, приличнее на дверь указать, коли воротится?» [Т. 1. С. 160]; «[Лембке] Негодяй! — крикнул он, указывая на Лямшина. — Схватить мерзавца, обернуть... обернуть его ногами... головой... чтоб голова вверху... вверху! <...> Выгнать всех мерзавцев, которые смеются!» [Т. 10. С. 391].

5. Ругательства, обращенные персонажами на самих себя:

«[Егор Ильич] Ну, да ведь она [Агафья Тимофеевна], братец, *grande dame*, генеральша! добрейшая старушка; но, знаешь, привыкла ко всему эдакому утонченному... не чета мне, вахлаку!» [Т. 3. С. 11]; «[Антонида Васильевна] Экая дура! экая дурында! Старая ты, старая дурында!» [Т. 5. С. 277]; «[С.Т. Верховенский Софье Матвеевне] Я негодяй! О, я всю жизнь